

Хэ Сюйлян смотрел на Гу Чжэня, по всей видимости, размышляя о том, что же такое непреодолимая сила.

Гу Чжэнь притянул Цзян Юньсюаня поближе к себе на колени и тихо сказал:

— Смотри, ты же говорил, что трава-двойчатка имеет низкую выживаемость, а условия её выращивания очень строгие. Если вдруг из-за погоды вся эта трава внезапно погибнет, разве это будет моя вина? Таким образом, мы хотя бы устраним источник проблемы, не так ли?

На бесстрастном лице Хэ Сюйляна появилось выражение, словно говорящее: «Ты что, издеваешься?». Действительно, это звучало как нечто из области фантастики, но у него же был этот невероятно мощный, хоть и бракованный, система 007. Может, там найдётся какой-то способ? В крайнем случае, можно попробовать подмешать в землю какие-нибудь порошки или лекарства, незаметно, чтобы никто не догадался.

Гу Чжэнь с довольным видом махнул рукой:

— Об этом я подумаю позже. У меня есть ещё вопросы. Можешь рассказать мне о сыне министра Ли?

Хэ Сюйлян кивнул и вкратце рассказал о сыне министра Ли, брате наложницы Си, Ли Аньфэне. Этот генерал, известный своей свирепостью, сейчас ему двадцать три года. С детства он изучал военные трактаты и стратегии. Хотя его боевые навыки, возможно, не самые выдающиеся, он определённо обладает острым умом и является редким военным гением. Однако, как говорится, без ресурсов даже самый умный полководец бессилён. Ли Аньфэн, несмотря на свои таланты, остался без войск. Недавно пришло известие, что Сянцзинчуань пал, и Ли Аньфэн сейчас возвращается с армией, чтобы принять наказание.

Гу Чжэнь вздохнул, глядя в потолок:

— Как же всё сложно.

Затем спросил:

— Эй, Ли Аньфэну всего двадцать три, а министру Ли уже за семьдесят?

Хэ Сюйлян спокойно посмотрел на него и ответил:

— Господину Ли ещё нет шестидесяти.

Гу Чжэнь промолчал.

В голове Гу Чжэня всплыл образ министра Ли с морщинистым лицом и длинной бородой. Он подумал: «Неужели он так сильно постарел?».

Когда Цзян Юньсюань проснулся, уже стемнело. В Павильоне Люйюань зажгли несколько фонарей, и они тихо потрескивали, создавая уютную атмосферу. На мальчике было накинуто красное одеяло с узорами, и он лежал на Гу Чжэне.

Цзян Юньсюань потер глаза и, подняв голову, увидел, что Гу Чжэнь полулежит на кровати, слегка клевая носом. Мальчик с радостью попытался подобраться повыше, потянувшись к Гу Чжэню, и, хлопнув его по лицу ладошкой, радостно закричал:

— Отец-канцлер!

Гу Чжэнь в этот момент видел сон. Ему снилось, что он сидит за столом, собираясь съесть утку по-пекински. Он уже взял нож, как вдруг утка встала на ноги, увеличилась в несколько раз и, размахивая крыльями, бросилась на него, придавив его грудью и осыпав жирными ударами крыльев!

Гу Чжэнь сонно открыл глаза и, опустив взгляд, увидел пухлое личико, смотрящее на него большими глазами. Он улыбнулся, потянулся и ущипнул щеку Цзян Юньсюаня:

— Мой маленький властелин, ты и правда умеешь спать.

Цзян Юньсюань, широко улыбаясь, потянулся, чтобы обнять Гу Чжэня за шею. Но, как только он пошевелился, нижняя часть тела Гу Чжэня, которая уже полдня была придавлена, онемела и заболела. Гу Чжэнь поспешно сказал:

— Нет-нет, не двигайся. Сюань-эр, будь хорошим мальчиком, сначала слезь.

Цзян Юньсюань, увидев это, поспешно слез с Гу Чжэня и, прижавшись к его ноге, спросил:

— Отец-канцлер, ты в порядке?

Гу Чжэнь постучал по онемевшей ноге, погладил голову Цзян Юньсюаня:

— Всё в порядке, просто немного затекло, сейчас пройдёт.

Цзян Юньсюань кивнул, затем закатал рукав своего драконьего халата и, сжав кулачок, начал постукивать по ноге Гу Чжэня:

— Сюань-эр тоже поможет!

Гу Чжэнь мысленно закусил губу, лихорадочно вызывая 007: «Седьмой брат, смотри, какой у меня сын милый!»

007 закатил глаза, подумав: «Ты просто не видел, как он хулиганит».

В этот момент Гу Чжэнь крикнул:

— Эй, кто-нибудь!

Вскоре Чан Сянлянь вошла в комнату:

— Что прикажете, господин?

Гу Чжэнь спросил:

— Который сейчас час?

— Сейчас час Сюй, господин.

Гу Чжэнь кивнул:

— Приготовь что-нибудь поесть. Сегодня вечером Его Величество будет ужинать здесь.

Затем он погладил затылок Цзян Юньсюаня:

— Сюань-эр, что ты хочешь съесть?

Цзян Юньсюань, склонив голову набок, долго смотрел на Чан Сянлянь, затем вдруг указал на её лицо:

— Отец-канцлер, у этой старой женщины морщины, она такая уродливая.

Чан Сянлянь замерла. Гу Чжэнь нахмурился и слегка шлёпнул его по голове:

— Как ты разговариваешь? Быстро извинись перед госпожой Сянлянь.

Цзян Юньсюань с недоверием расширил глаза, продолжая указывать на Чан Сянлянь, и закричал:

— Сюань-эр — император, зачем мне извиняться перед этой шлюхой?

Гу Чжэнь, услышав это, слегка шлёпнул Цзян Юньсюаня по попе, повысив голос:

— Какая шлюха? Кто тебя этому научил?!

Лицо Цзян Юньсюаня сморщилось, готовое разрыдаться, и слёзы потекли из его глаз, как горошины. Он закричал:

— Отец-канцлер, ты на меня кричишь!!

Чан Сянлянь, стоя рядом, поспешно сказала:

— Господин, не ругайте Его Величество, он ведь... прав.

Вся резиденция канцлера, изнутри и снаружи, держалась на плечах Чан Сянлянь, и её труд был неописуемо тяжёлым. Гу Чжэнь всегда был благодарен этой мачехе, и, видя её сейчас, он почувствовал сильную боль в сердце. Он также понял, что Цзян Юньсюань, за исключением него самого, совершенно не уважает других и не имеет никаких манер. Это нельзя поощрять, иначе он станет ещё хуже.

Впервые, увидев, как Цзян Юньсюань плачет, Гу Чжэнь не стал его утешать, а, наоборот, строго сказал:

— Не плачь. Мужчина не должен плакать по пустякам! Как император, ты должен знать, что можно говорить, а что нельзя.

Цзян Юньсюань, ошеломлённый, замер на месте, глядя на Гу Чжэня с изумлением. Чан Сянлянь, видя это, почувствовала себя крайне неловко и поспешно сказала:

— Его Величество, как Сын Неба, всегда прав. Шлюха Сянлянь сейчас приготовит что-нибудь поесть.

Эти слова вызвали у Гу Чжэня ещё большее чувство горечи. Чан Сянлянь вовсе не была шлюхой. В шестнадцать лет её продали сорокалетнему отцу Гу Чжэня, а когда Гу Чжэнь вырос, её забрали в качестве служанки и управляющей резиденцией канцлера. Она была предана и верна, без единой мысли о предательстве. Если в её жизни и были какие-то нарушения морали, то это было вынуждено обстоятельствами. В чём же её вина?

Чувство жалости к Чан Сянлянь только разожгло гнев Гу Чжэня:

— Какая еда? Сперва ты оскорбил генерала, а теперь унижаешь женщину. Так ты ведёшь себя

как император?

Услышав это, Цзян Юньсюань громко закричал:

— Кто хочет быть императором! Ты не мой отец-канцлер! Отец-канцлер никогда не кричал на Сюань-эра и никогда не защищал грязных псов и шлюх! Убирайся, ты не мой отец-канцлер!

С этими словами он сильно толкнул Гу Чжэня в грудь. Несмотря на свой маленький рост, он оказался довольно сильным. Гу Чжэнь, не ожидая этого, ударился затылком о стену, и перед глазами у него всё поплыло. Цзян Юньсюань спрыгнул с кровати и, извиваясь, побежал к двери.

Чан Сянлянь ахнула.

Она хотела остановить его, но не посмела прикоснуться к императору. Она замерла в нерешительности, а Цзян Юньсюань уже пробежал мимо неё и выбежал из внутренних покоев.

Гу Чжэнь, потирая затылок и всё ещё не оправившись от того, что его нога была придавлена целый день, крикнул Чан Сянлянь:

— Быстро! Быстро останови Его Величество, чтобы он не упал!

Чан Сянлянь кивнула и побежала за ним. Гу Чжэнь почувствовал головную боль и сказал 007:

— Что же делать с этим ребёнком?

007 ответил:

— Ты же только сейчас не думал, что твой сын такой милый?

Гу Чжэнь вздохнул:

— Когда он послушный, хочется его поцеловать, а когда хулиганит — хочется отшлёпать. Кто его научил так ругаться?

007 прямо сказал:

— Ты.

Гу Чжэнь промолчал.

Гу Чжэнь раздражённо почесал голову:

— Закачай мне что-нибудь вроде «Энциклопедия воспитания детей» или «Как стать хорошим отцом за короткий срок». Я буду учиться всю ночь!

007 промолчал.

Тем временем, как только Цзян Юньсюань выбежал из ворот Павильона Люйюань, он случайно наткнулся на Хэ Сюйляна, который разговаривал с Е Жанем неподалёку. Вспомнив страх, который он испытал, когда его подбросили в воздух, он мгновенно развернулся и побежал в противоположную сторону. За ним бежал евнух Ван, крича:

— Его Величество, не бегите! Ой, Ваше Величество, не бегите! Кто-нибудь, остановите Его

Величество!

Е Жань и Хэ Сюйлян также обратили внимание на этот шум. Е Жань нахмурился и спросил:

— Это... император?

<http://bllate.org/book/16782/1543640>